

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЭТНОГРАФИИ ЯПОНЦЕВ¹

Среди зарубежных японоведов американские бесспорно находятся на первом месте как по своей численности, так и по объему выпускаемой литературы, в которой весьма существенное место занимает изучение этнографических и социологических аспектов японской действительности. Некоторые наиболее значительные труды на эту тему уже дважды рецензировались на страницах «Советской этнографии»². За последние годы в США вышло в свет сразу несколько сборников и монографий по японской этнографии.

Мы не будем рассматривать здесь работы по отдельным аспектам японской культуры; сосредоточим внимание на изданиях, посвященных комплексному описанию и анализу японских этнографических и социологических реалий.

В конце 1970 г. в Хьюстоне увидела свет книга «Исследования по Японии в поведенческих науках». Это сборник 23 статей, первоначально представленных в качестве докладов на конференции, посвященной этой теме, а также вступительной и заключительной речей, произнесенных на конференции. Среди авторов, помимо американских японоведов, четыре крупных японских ученых: Наканэ Тизэ, Томинага Кенъити, Накано Такаси и Иосида Тэйго. Кроме того, следует учитывать, что сейчас многие из японоведов США — японцы по происхождению, что отразилось в рецензируемых работах³.

Основное направление сборника историографическое. Большинство его статей содержит обзор развития исследований по той или иной конкретной отрасли японоведческой этнографии и социологии. Почти все статьи снабжены обширной библиографией, что уже само по себе делает сборник весьма полезным и нужным изданием.

Первый раздел книги — «Общий взгляд: прогресс и проблемы». Он открывается статьей Джона Беннетта «Некоторые замечания по работе западных этнографов в Японии», в которой рассматриваются этносоциологические работы, главным образом в американской литературе. Беннетт анализирует только публикации на английском языке, что, естественно, ограничивает его статью. Соответственно «первой серьезной этнографической работой западного ученого о Японии» Беннетт называет «Суйэ Мура» Джона Эмбри (1939 г.). Спору нет, «Суйэ Мура» по праву входит в золотой фонд мирового японоведения, но ведь были же и раньше этнографические исследования, пусть менее объемистые, но не менее серьезные! Допустим, что не вина, а беда американского ученого, если ему не известны этнографические аспекты исследований Н. И. Конрада и Н. П. Мацокина. Но непонятно, почему вне его внимания остались написанные еще в прошлом веке, но до сих пор не утратившие своей ценности труды В. Г. Астона. Как можно было совсем не отметить существования довольно обширного круга литературы по этнографии Японии на немецком языке, включающей труды Э. Бельца, В. Кундера, Г. Хюттерота, Б. Таута (вышедшие до 1939 г.), а для более позднего времени — М. Эдера и др. Перечень подобных досадных упущений можно было бы продолжить. Нельзя согласиться и с мнением Беннетта, что лишь две книги по Японии из области «поведенческих наук» вошли в теоретический фонд обществоведения: «Хри-

¹ В данном обзоре рассматриваются следующие публикации: Ed. Norbeck, S. Pargman (eds.), *Studies on Japan in behavioral sciences*, «Rice university studies», vol. 56, No. 4, 310 pp., Houston, 1970; W. Silbermann (ed.), *Japanese character and culture*, Tucson, 1962; G. Yamamoto, Tsuyoshi Ishida (eds.), *Selected readings on the modern Japanese society*, Berkeley, 1971, 250 pp.; Naigumi Befu, *Japan: anthropological introduction*, Stanford, 1972, 210 pp.

² См. «Сов. этнографию», 1955, № 4; 1964, № 5.

³ Рецензию на одну из них (Дж. Китагава) см.: «Сов. этнография», 1967, № 6.

зантама и меч» Рут Бенедикт и «Религия Токугава» Роберта Белла. Нам представляется, например, что несколько пренебрежительное высказывание «о более эмпирическом уровне» работы Харуми Бефу несправедливо. Эта работа и вообще не упомянутые им «Дома и люди Японии» Бруно Таута, а также книга Дж. Китагава как раз имеют большее теоретическое значение, чем указанные Беннеттом работы.

Другие статьи первого раздела посвящены вопросам личности и поведения (В. Коулл, Хириси Вагацума), историографии новейших работ по японской социологии (с весьма обширной библиографией англоязычных работ в статье Б. Карша и японоязычных в статье К. Томинага), анализу практических аспектов организации японоведческих социологических исследований в США (Изао Исино). Второй раздел книги — «Изменения в общественной культуре и экономике». Открывающая его статья Роберта Коула «Экономический рост и социальные изменения» слабее большинства других статей сборника. Невелик и объем охваченных ею источников и литературы. Коул отмечает две основные тенденции в исследованиях по проблеме. Одна из них — усиленное внимание к предполагаемой уникальности социальной организации японского общества и на ранних, и на поздних этапах его развития. Вторая, называемая Коулом «теорией конвергенции», исходит из положения, что сходные процессы экономической индустриализации в Японии и других странах приведут к появлению сходных социальных институтов. Эта тенденция, по определению Коула, восходит к учению Карла Маркса. Тогда как среди западных социологов преобладает первое направление, среди японских социологов, примерно половина которых, по словам Коула, принадлежит к марксистской ориентации, заметнее второе. Несмотря на приверженность Коула к безапелляционным ярлыкам типа «марксистского догматизма» и «бесплодной идеологии», он вынужден признать, что именно исследователи второго направления опираются на «динамическую модель социальных изменений», отсутствующую в методе западных ученых.

К этому следует добавить, что вопреки попыткам многих японских социологов старшего поколения обосновать уникальность путей развития докапиталистической Японии, именно здесь конвергентно развивались общественные институты, по существу идентичные западноевропейским феодальным.

Краткая, но очень содержательная статья американца японского происхождения Харуми Бефу «Исследования по японским структурам родства» резюмирует итоги как американских, так и главным образом японских исследований в области патронимической организации «додзоку», структуры семьи, недавних изменений в данной области и порождаемых этими изменениями социальных проблем. Бефу отмечает слабую разработанность проблем японской системы родства с точки зрения формально-семантического анализа и взаимную разобщенность, проявляющуюся в исследованиях этнографов, изучающих городскую семью.

Статья Говарда Уимберли и Эдуарда Норбека «Исследования по религии» содержит довольно беглый обзор историографии проблемы и вряд ли прибавляет что-либо новое к тем сведениям по религии Японии, которые давно уже стали более или менее общеизвестными.

Определенный интерес представляют статьи третьего раздела, озаглавленного «Личность и социализация». Они посвящены формированию личности: образованию, воспитанию детей и т. д.

Последний раздел сборника, «Сравнительные исследования», самый маленький (в нем всего три статьи), представляется нам наиболее интересным. Особо следует отметить статью Эзры Фогеля «Перспективы исследований городской Японии», в которой дается объективная оценка уровня подготовки американских японоведов, совпадающая с оценками самих японцев, в частности Софуэ Такао и Масао Ока. Автор отмечает, что достаточно владеть разговорной речью для ведения интервью, исследователи не читают настолько бегло, чтобы в должной мере быть в курсе японской прессы и научной литературы.

Как из статей этого раздела, так и из других статей сборника можно сделать вывод, что многие американские исследователи начинают отдавать себе отчет в том, насколько ограничивает ценность исследования вольное или невольное сопоставление изучаемого японского общества только с американским обществом, принимаемым за эталон. Ряд авторов сборника прибегает к более широкому «кросс-культурному» сопоставлению с другими народами, особенно близкими к японцам географически (китайцы, тай, филиппинцы) или живущими в сходных с японцами экологических условиях. Последний случай имеет в виду Ричард Бердсли, когда в своей статье «Кросс-культурные сопоставления с Японией» приводит в пример собственные исследования, где сравниваются деревенские общинные институты в Японии и в испанской рисоводческой деревне в Валенсии.

Статья Джона Корнелла и Роберта Смита «Японские эмигранты за границей» содержит не только обзор литературы по этой теме, но и формулирует перспективы исследования. Здесь дается краткое изложение истории японской эмиграции в настоящее время. Ограничившись в основном двумя крупнейшими общинами японцев за рубежом, в Бразилии и США, авторы проанализировали различия в их судьбах.

Завершающая сборник статья Уильяма Лебра посвящена исследованиям по этнографии Рюкю. Помимо историографии проблемы она содержит сжатый, но полноценный очерк недавнего прошлого и современного состояния рюкюсцев.

Сборник в целом, хотя отдельные статьи его и неравноценны, бесспорно является ценным пособием при изучении этнографии Японии и дает хорошее представление о состоянии этой научной дисциплины в США.

Далее следует отметить два сходных по своему характеру сборника: «Японский характер и культура» под редакцией У. Силбермана и «Избранные чтения по современному японскому обществу» под редакцией Джорджа Ямамото и Цуэси Исида. Обе эти книги составлены из отдельных журнальных статей и некоторых глав из ранее опубликованных монографий, причем не только американских.

В первый из указанных сборников вошли в основном главы из сравнительно немногих выдающихся монографических трудов, таких, как «Городская жизнь в Японии», принадлежащая перу видного английского японоведа Рональда Доура, но изданная в Калифорнии, «Сельская Япония» Р. Бердсли, Дж. Холла и Р. Уорда, «Две японские деревни» (сборник, изданный Мичиганским университетом), «Хризантема и меч» Рут Бенедикт, книга «Без хризантем и без меча» французского социолога Жана Стенцеля и ряд других. Уже из этого перечня видно, что в сборнике представлены авторы, резко различающиеся по своим взглядам. В своем предисловии редактор-составитель оговаривает, что приведенные работы не связаны общей точкой зрения. Все указанные труды известны каждому серьезному специалисту-японоведу, а некоторые из них, такие, как работы Р. Доура и Р. Бенедикт, имеют и более широкую популярность. Поэтому издание У. Силбермана не имеет самостоятельной ценности. Оно ценно как удачная подборка, как компактное пособие для широкой публики, особенно для студентов. Появление этой книги свидетельствует о растущем интересе к проблемам японской этнографии и социологии среди американских читателей, вызывающем потребность в таких переизданиях.

Иначе можно оценить сборник, вышедший под редакцией Ямамото и Исиды. Он состоит уже не из глав монографий, а из отдельных статей, появившихся совсем недавно, разбросанных по специальным, отнюдь не по японоведческим, а подчас малоизвестным изданиям. Статьи снабжены достаточно широкой библиографией. Поэтому «Избранные чтения» хотя и адресованы прежде всего студентам, представляют немалый интерес также для специалистов.

Эти два сборника разделены промежутком в десятилетие, и любопытно их сопоставить. Материалы первого сборника можно охарактеризовать как преимущественно описательные. В статьях второго сборника преобладает аналитическое начало. Они посвящены более конкретным темам. Статистические данные, таблицы, диаграммы многочисленны и там и тут, но во втором сборнике они разработаны на более высоком уровне, значительно более информативны. В «Избранных чтениях» можно отметить прежде всего статью Э. Фогеля, а также работу Хироси Вагацума и Джорджа де Вос. Они посвящены социальной роли посредника при заключении брака по сговору и самому характеру этого брака. Джон Такэсита в своей статье анализирует снижение рождаемости в Японии за последние годы и приходит к выводу, что семейное планирование осуществляется все более сознательно. При этом инициатива масс всегда опережала государственную пропаганду. А. Фишер проводит в высшей степени любопытный анализ такого, казалось бы, архаичного и всецело традиционного института, как японская профессиональная борьба «сумо». Он показывает, как под влиянием меняющихся требований аудитории, в частности телевизионной, происходит изменения и в организации соревнований, и в самих правилах борьбы. Очень интересна также статья Скотта Мацумото. Автор поставил задачу рассмотреть возможные причины резких различий между США и Японией в уровне смертности от сердечно-сосудистых заболеваний (в Японии она примерно в 5 раз ниже). Однако этнографическая ценность статьи — в анализе институтов и обычаев, форм поведения, способствующих преодолению отчужденности между людьми, восстановлению межличностного общения. Приведены характеристики рабочих групп, соседских групп, показаны формы проведения досуга, типы кафе, баров, представляемых в них зрелищ, развлечений, особенности купаний, любования цветами (ханами) и других рекреационных механизмов.

Последней в этом кратком обзоре рассмотрим книгу, которую можно назвать одним из самых значительных явлений в американском японоведении последних лет. Это «Введение в этнографию Японии» Харуми Бефу. Объем книги невелик. Она не является специальным исследованием, в значительной степени носит популярный характер, но, несмотря на популярность изложения, автор высказывает в ней немало новых и оригинальных идей. Харуми Бефу в известной мере обобщает все, что накоплено не только американским, но и мировым японоведением в области социологии и этнографии. Во введении автор заявляет (стр. 4): «Эта книга — введение в этнографию Японии для тех, кто не имеет специальной подготовки либо по этнографии, либо в области японской культуры. Короче, она не адресована специалистам-японоведам». Но эта самооценка слишком скромна. Книга Бефу — ценное пособие для любого профессионального этнографа, заинтересованного в привлечении сравнительного японского материала. С другой стороны, она окажет существенную помощь многим японистам — будь то историк, искусствовед, экономист — в понимании той конкретной этнической среды, в которой развиваются интересующие их явления.

Бефу постоянно противопоставляет Японии «традиционную» и «модернизированную». Под таким углом зрения рассматриваются, например, вопросы этнографии семьи: с одной стороны, патронимическая организация, патерналистские институты,

имитирующие отношения родства, с другой — изменения в составе семей за последние годы, статистика разводов, прирост населения и планирование деторождения в семье. Этому посвящена вторая глава книги (первая — это беглый очерк истории японской культуры, от плейстоцена до сложения феодализма). Бефу не только приводит демографическую статистику, но и убедительно разъясняет ее подчас парадоксальные тенденции. Так, процент разводов в Японии снизился с 0,269 в 1890 г. до 0,066 в 1940 г., тогда как в США за этот же срок он возрос с 0,050 до 0,200. Неожидавшее снижение доли разводов в Японии объясняется постепенным изживанием феодальных норм, когда жена, негодная семье мужа, легко изгонялась. В дальнейшем, по мнению Бефу, начинается рост разводов по американской модели, ибо в Японии действуют факторы буржуазного общества (в 1960 г. в Японии — 0,078, в США — 0,250). Ряд так называемых традиционных черт оказывается отнюдь не древним явлением, а возникшим в новое время. Так, в современной Японии брак по сговору преобладает и лишь медленно повышается доля брака по любви. Однако в Японии начала XIX в. среди крестьянских масс преобладал брак по любви, и распространение брака по сговору связано с тем, что во второй половине XIX в. престижными стали нормы самурайской культуры, для которой характерен был брак по сговору.

Третья глава посвящена жизни деревни. В ней рассматриваются основные черты материального производства в деревне, структура деревенской общины, роль общинной собственности на необрабатываемые (лесные) участки в старой Японии, и изменение положения в современной Японии. Подробно рассказано о разных типах социальных объединений: это пятидворки, синтоистские и буддийские приходы (первые включают все семьи данной общины, а вторые — определенную долю семей ряда соседских общин, в зависимости от секты), современные ассоциации — молодежные, женские, родительские, кооперативные, по борьбе с преступностью, т. е. группы содействия полиции, и т. д.

Четвертая глава, трактующая проблемы религии, содержит краткую сводку сведений о достаточно подробно изученных как американскими, так и советскими японоведами проблемах. Поэтому излагать ее нет надобности.

Пятая глава — «Классы, труд и образование» — мало касается классовой структуры общества в подлинном смысле этого слова. Здесь больше внимания уделяется словесным делениям, процессу их стирания в современной Японии, а также различиям между прослойками в рамках одного класса — «старой» и «новой» аристократией в конце XIX в., «старыми» и «новыми» богачами — капиталистами в наше время.

Особое внимание уделено численно незначительным, но своеобразным меньшинствам современной Японии, подвергающимся дискриминации. Бефу считает, что понятия меньшинства, отмеченного стигмой и потому избегаемого, перманентно для японской традиционной системы ориентаций. Поэтому наряду с древними японскими париями «эта», которые и сейчас подвергаются неофициальной, но жесткой дискриминации, в положение особых дискриминируемых групп попали ныне айны, корейцы, дети местного происхождения (в основном, результат длительной американской оккупации) и даже жертвы атомной бомбардировки — лица, пораженные лучевой болезнью. На всех них распространяется определенная степень социального избегания.

Однако особое внимание Бефу уделяет описанию «среднего класса», или «людей зарплаты», не без основания считая, что именно эта социальная категория, так же как 100 лет назад самурайство, является определяющей в выработке престижных норм и системы ценностных ориентаций в современной Японии. Он бесспорно прав, считая, что «средний класс» начала века, т. е. обширная прослойка мелких независимых предпринимателей, все более теряет свои позиции (это неизбежно в условиях концентрации капитала и растущей силы монополий). Но одно важное обстоятельство Бефу упускает из виду: все эти «люди зарплаты», служащие правительственных учреждений и частных компаний, все более смыкаются с постоянно растущей прослойкой квалифицированных рабочих, что «средний класс» современной Японии в отличие от Японии конца XIX — начала XX в. в большинстве своем состоит уже не из эксплуататоров (хотя бы мелких), а из эксплуатируемых (хотя бы и относительно высоко оплачиваемых).

Шестая глава — одна из наиболее интересных в книге. В ней в духе психологической школы американской этнографии разбирается проблема формирования «базисной личности» японца, прежде всего в детские годы, специфика японских приемов воспитания детей. Автор, однако, не переоценивает значения этой фазы жизни, а разбирает и формы взрослого поведения (им посвящена и упомянутая выше статья Скотта Мацумото). Общий вывод, к которому приходит Бефу, заключается в том, что японцу в гораздо большей степени, нежели американцу, присуще чувство коллективизма, поиск поддержки в другом человеке, взаимозависимость, отвращение к крайнему индивидуализму и самонизации. Соответственно и понимание жизненной карьеры японца связано с патерналистическими формами взаимозависимости в отличие от американского идеала «человека, который сам себя сделал» («селф мейд мэн»). Эта взаимозависимость выражается в институционализированных категориях «он», «тири» и «ниндзэ», т. е. в «долге по отношению к благодетелю» (в самом широком смысле — к родителю, сеньору, токровителю, работодателю и пр.), «социальных взаимных обязательствах» и в находящемся в конфликте с первыми двумя «индивидуальном устремлении личности». Соотношению этих трех категорий, построенной на этой

трехмерной основе системе ценностных ориентаций и вытекающей из нее японской этико-эстетической специфике посвящена значительная часть этой главы.

Седьмая, заключительная глава книги Бефу посвящена проблеме модернизации. В ней проводится важное теоретическое различие между модернизацией, европеизацией и индустриализацией и рассматривается ход и взаимосвязь этих процессов в современной Японии. Автор показывает, что успех модернизации в XIX—XX вв. был подготовлен предшествующим развитием страны, демонстрирует ту роль, какую сыграла в этом процессе исторически обусловленная склонность японцев к культурным заимствованиям, как вписались в этот процесс традиционные институты. Однако в наше время, по мнению Бефу, «окаменевшие» традиционные институты и предпочтение заимствованию перед самостоятельной разработкой становятся помехой на пути дальнейшего развития японского общества. Его будущее зависит от того, насколько успешно оно сможет преодолеть эти окаменевшие традиции, будь то в системе образования, научно-технического поиска, организации труда и рынка рабочей силы и в ряде других аспектов.

В заключение следует сказать, что глубокая и содержательная книга Бефу в известной мере отмечает тот уровень, который достигнут американским этнографическим и социологическим японоведением, и подчеркивает те проблемы, которые в настоящее время стоят не только перед американскими, но и перед японскими этнографами и социологами. В то же время в книге проявился характерный для американской этнографии «психологический» крен, отсутствие интереса к настоящему классовому анализу социальных взаимоотношений и их экономической подоплеки. Но, несмотря на эти существенные недостатки, книга Бефу представляет собой значительный вклад в мировое этнографическое японоведение.

С. А. Арутюнов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

О новом издании в США труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Frederick Engels. The origin of the family, private property and the state. Edited, with an introduction by Eleanor Burke Leacock, New York, 1972.

Выход в свет в США в 1972 г. нового издания на английском языке классического произведения Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» является, несомненно, знаменательным событием в истории американской социальной мысли в целом и американской этнографии в частности. Это событие тем более заслуживает внимания, что редактором книги и автором большого введения является видный этнограф США профессор Элеонора Ликок. Как известно, деятельность американских этнографов в течение десятилетий была направлена на дискредитацию якобы на основе «новых эмпирических данных» важнейших выводов книги Ф. Энгельса, хотя и делалось это под видом критики книги Л. Г. Моргана «Древнее общество».

Настоящее издание работы Энгельса как бы завершает путь, проделанный американской этнографической наукой — от Моргана и Энгельса к отрицанию их работ и к современному повороту к ним значительной части американских этнографов.

За этот период среди этнографов США постепенно формировалось прогрессивное крыло ученых, начинавших критически пересматривать антиэволюционизм представителей исторической школы в американской этнографии. Пионером в этом движении был, несомненно, Л. Уайт, вокруг которого сложилась группа учеников. Многие из них пошли по пути неозволюционизма, другие же избрали путь более радикальный — приближения к марксистскому учению об обществе. Ярким представителем этой группы американских этнографов является Э. Ликок. Она известна своими этноисторическими исследованиями американских индейцев, конкретными материалами которых она обосновывает свою критику антиисторических концепций антиэволюционистов. Вышедшие за последние два года под ее редакцией и с ее участием книги «Культура нищеты: критика» и «Индейцы Северной Америки в исторической перспективе»¹ являются важными вехами в развитии этнографии США по пути отхода от релятивистского позитивизма старых школ. Большое внимание уделяет Э. Ликок современным социально-политическим проблемам США.

Как подготовительный этап к изданию книги Энгельса можно рассматривать большую работу, проделанную Э. Ликок по оценке в свете новых данных важнейших теоретических выводов Л. Г. Моргана. Эта работа была выполнена в связи с опубликованным ею в 1963 г. новым изданием «Древнего общества»². В большом предисловии к

¹ «Culture of poverty: critique», N. Y., 1971; «The American Indians in historic perspective», N. Y., 1972.

² H. L. Morgan, Ancient Society (Edited with an introduction and annotations by E. B. Leacock), N. Y., 1963.